С.Ю. Пчелкина*

М.Е. ШНЕЙДЕР И ЛЮВЭНЬФЭЙ: ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ПОНИМАНИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена восприятию произведений русской литературы (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова) в Китае. На основе исследований М.Е. Шнейдера и Лю Вэньфэя выявлены особенности китайского понимания русской литературы, такие как восприятие морального смысла произведений русских писателей и социальной направленности литературы; восприятие разговорной формы литературного языка; принятие остро-эмоционального, экзистенциального переживания как нового для китайской традиции способа восприятия литературы; неоднозначное отношение к теме обращения к внутреннему миру человека.

Ключевые слова: русская литература, китайская русистика, китайская герменевтика, М.Е. Шнейдер, Лю Вэньфэй

Mark Schneider and Liu Wenfei: Chinese reception of Russian classical literature. SVETLANA Yu. PCHELKINA (Far Eastern Federal University)

The article discusses the reception of Russian classical literature (A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov) in China. Drawing on the research of Soviet philologist Mark Schneider and modern Chinese translator of Russian literature Liu Wenfei, the author identifies such distinctive features of the Chinese understanding of the Russian literature as the sympathy to the moral intents of the Russian writers' works, positive attitude towards the use of colloquial language in Russian literature, the discovery of the heightened emotional feelings as a new way of perceiving literature and ambiguous attitude to the topic of inner world of people.

Keywords: Russian literature, Russian studies in China, Chinese hermeneutics, Mark Schneider, Liu Wenfei

Знакомство с русской классической литературой в Китае началось с конца XIX в. До середины XX в. этот процесс делится советским ученым-литературоведом М.Е. Шнейдером на четыре этапа: начало XX в. – до 1920-х гг.; 1920-е гг.; 1930-е – 1940-е гг.; 1950-е – начало 1960-х гг. [7, с. 20]. Условно он начинается с перевода на китайский язык басен И.А. Крыло-

ва. Особенностью этого процесса является поступательное возрастание интереса к русской литературе.

Современный китайский русист Лю Вэньфэй выделяет на первом этапе проникновения русской литературы в пространство китайской культуры следующие особенности: «перевод не всегда непосредственно с русского языка,

* ПЧЕЛКИНА Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pchelkina.syu@dvfu.ru

© Пчелкина С.Ю., 2019

а чаще всего с японского и английского; часть переводов была сделана на древний китайский язык» [3]. Однако очень скоро в Китае появилось большое количество переводчиков русской литературы, несмотря на ее сложный язык и многозначность, что требует погружения в широкий исторический и культурный контекст. Удивительно, но с того момента и по настоящее время Китай – «один из мировых лидеров по количеству и качеству переводов русской литературы». По словам Лю Вэньфэя, китайские переводчики «скрупулезно подходят к переводу русской литературы, стараются максимально адекватно передать содержание оригиналов» [6].

Другим интересным моментом описываемых процессов стало знакомство не только с популярными книгами, но и с произведениями литературной критики, отражающими различные направления экзегетической мысли, взгляды литературоведов, так или иначе толкующих формальные и смысловые особенности русской литературы. В Китае, где традиция литературного художественного слова существовала уже не одну тысячу лет, своей литературной критики не было. Феномен литературной критики или, вернее сказать, литературной аналитики был привнесен в Китай вместе с научной филологической литературой – русской (потом советской), западноевропейской, японской. Знакомство с литературой очень сильно отличающейся культуры через перевод и заимствование литературной критики не было заурядным копированием иностранных произведений. Перевод литературоведческих произведений, который осуществлялся параллельно с переводом самих произведений художественной литературы, китайские специалисты объясняют стремлением исходить из принципов объективности и всеохватности исследования: переводили, не чтобы повторять, а чтобы знать все возможные варианты понимания художественного произведения и использовать это понимание с позиции прагматизма, свойственного китайскому сознанию. Благодаря активному изучению особенностей литературного анализа очень скоро в Китае появились свои специалисты-литературоведы, видевшие свою миссию в том, чтобы помочь читателям составить полную картину русской литературы.

Выбор для перевода конкретных произведений русской литературы как отечественные, так и китайские исследователи объясняют тем, что русская литература отвечала, прежде всего, ре-

волюционному настрою китайского общества начала XX в. Знаковым явлением общественно-политической и литературной жизни Китая 1920-х гг. стало «Движение 4 мая» 1919 г. Содержанием деятельности движения были литературные переводы, значительную часть которых составляли переводы русской литературы. Лю Вэньфэй так описывает этот исторический феномен: «“Движение 4 мая” 1919 г. в Китае было культурным движением, цель которого – отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии. В основе этого заимствования – идеи французских просветителей, теория немецкого марксизма и русская литература» [3].

Интерес к переводам именно русской литературы был вызван ее содержанием и общей реалистической направленностью. Первые китайские читатели видели в русской литературе, перефразируя ленинское выражение, «зеркало русской революции», которая в сознании китайской культурной элиты представляла неким идеалом и примером для Китая.

Как и в России, революционный дух в Китае оказывал свое воздействие на сознание через печатное слово, а революционность в среде интеллигенции формировалась под влиянием образов художественного реализма. Стилль реализма очень быстро был понят и воспринят как нечто актуальное для китайской культуры [5, с. 414]. Лю Вэньфэй пишет: «Китайская “новая литература” зародилась во время “Движения 4 мая” (оно и называется “движением новой культуры” или “движением новой литературы”), и ее развитие тесно связано с развитием перевода русской литературы в Китае. Основоположники новой китайской литературы выступали в качестве переводчиков русской литературы» [3].

На основе исследований советского филолога Марка Евсеевича Шнейдера (1921–1981) и современного китайского русиста Лю Вэньфэя можно составить относительно целостное представление о китайском понимании русской классической литературы и выявить некоторые черты этого понимания. А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов относятся к разряду самых читаемых и чтимых в Китае русских писателей – как в XX в., так и сегодня. За сто лет изучения русской литературы в Китае сложились определенные особенности интерпретации их произведений, в которых, думается, отражаются особенности китайского восприятия русской литературы в целом.

А.С. Пушкин «пришел» в Китай с «Капитанской дочкой». М.Е. Шнейдер пишет, что сначала именно проза Пушкина имела наибольшее распространение и поэтому китайскому читателю очень понравился помимо «Капитанской дочки» цикл «Повести Белкина», который многократно переводился. Поэзия А.С. Пушкина стала переводиться, печататься и исследоваться позже, и на возникновение интереса к ней повлиял известный китайский писатель Лу Синь (1881–1936), являющийся основателем школы китайской русистики. Помимо занятия переводами Лу Синь писал статьи, в которых анализировалась поэзия А.С. Пушкина, и своими разъяснениями способствовал облегчению ее понимания соотечественниками [7, с. 51–53]. В этих разъяснениях уже улавливается специфика китайского прочтения русских произведений. Это читательское своеобразие выражается хотя бы в переводе самих названий произведений. Так, М.Е. Шнейдер пишет, что название романа Пушкина «Капитанская дочка» изначально переводилось как «Русская романтическая история» с подзаголовком «Сон бабочки среди цветов» [7, с. 51]. Такой перевод, на наш взгляд, отсылает к китайской литературной традиции, например, к эпическому китайскому роману «Сон в красном тереме», который часто называют энциклопедией жизни китайского традиционного общества. Возможно, переводчик таким образом указал, что данное произведение русского писателя можно воспринимать в этом же смысле. Определенная особенность восприятия поэзии А.С. Пушкина видится и в названии статьи Лу Синя «О силе сатанинской поэзии», посвященной осмыслению творчества русского поэта. Не правда ли, Лу Синь использовал в заголовке очень сильное выражение? Какой смысл он мог вложить в такое название статьи? Как пишет М.Е. Шнейдер, в данной статье Лу Синем были «впервые изложены взгляды будущего писателя на литературу и искусство», и общая направленность этих взглядов выражалась в том, чтобы восславить «поэзию свободы и протеста» [7, с. 52]. В какой-то мере можно принять такую интерпретацию, особенно если допустить, что Лу Синю известно, кто играет роль первого «бунтовщика-вольнотумца» в христианском учении. Тем не менее, заметим, что подобное выражение вряд ли можно встретить у русских литературоведов и искусствоведов, даже самых раскрепощенно мыслящих, что и служит для нас знаком смелой и своеобразной интерпретации поэзии Пушкина.

В прозаических произведениях А.С. Пушкина китайцы, воспитанные на изысканном, но замысловатом стиле своей традиционной литературы, открыли простоту, правдивость и поэтичность. Как ни странно, именно в прозе, если верить М.Е. Шнейдеру, открылась для Китая непревзойденная поэзия А.С. Пушкина. Можно сказать, что именно прозаические произведения А.С. Пушкина подготовили китайских читателей к восприятию его поэзии. В скором времени в Китае распространяется углубленное изучение стихотворного наследия русского поэта, появляются как переводчики отдельных поэтических произведений А.С. Пушкина, так и специалисты-исследователи его творчества, и даже стихи китайских поэтов, посвященные А.С. Пушкину [7, с. 58–62]. М.Е. Шнейдер пишет, ссылаясь на высказывания некоторых китайских исследователей, что через знакомство с поэзией А.С. Пушкина в Китае было воспринято значение фольклора. Художественное богатство устного народного творчества привнесло обновление в китайскую литературу, прежде всего, благодаря пониманию, что литература становится истинным выражением национального самосознания, когда отталкивается от своих фольклорных корней [7, с. 60].

С произведениями Ф.М. Достоевского китайские читатели познакомились только в начале XX в., но уже в 1921 г. в Китае как событие отмечалось столетие со дня его рождения. Произведения Ф.М. Достоевского узнали и полюбили позже, чем работы таких русских писателей, как И.А. Крылов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и М. Горький, но очень быстро Ф.М. Достоевский стал одним из самых читаемых и изучаемых русских писателей в Китае.

Как пишет М.Е. Шнейдер, с 1920-х по 1960-е гг. в Китае были переведены и опубликованы почти все произведения Федора Михайловича [7, с. 62–64]. В китайской русистике сложился большой объем литературоведческих работ (как небольших, так и фундаментальных), посвященных исследованию особенностей творчества Ф.М. Достоевского. М.Е. Шнейдер в книге «Русская классика в Китае» (1977) описывает, как менялось в Китае понимание произведений Ф.М. Достоевского, и указывает на большую роль в этом процессе зарубежного литературоведения – русского (и советского), западноевропейского и японского [7, с. 64].

Влияние произведений Ф.М. Достоевского на развитие китайской литературы в XX в. пред-

ставляет собой уже исторический процесс со своими внутренними этапами. Так, М.Е. Шнейдер выделил четыре периода освоения творческого наследия Ф.М. Достоевского в Китае: первые два десятилетия XX в., начало 1920-х гг., конец 1920-х – 1930-е гг., 1940–1950-е гг. [7, с. 64–65].

Среди китайских литературных критиков, писавших о Ф.М. Достоевском, можно выделить две группы. Представители первой, наиболее многочисленной, отталкивались в своих интерпретациях произведений Ф.М. Достоевского от иностранной литературной критики, так что с точки зрения национальной специфики очень сложно отличить их, разъясняющих смысл произведений Достоевского в терминах «гуманизма», «реализма» или «психологизма», от критиков европейских или даже российских.

Вторая, сравнительно небольшая группа китайских интерпретаторов Ф.М. Достоевского рассматривает его произведения не под влиянием западноевропейской или русской критической мысли, а в преломлении собственной национальной аксиосферы. К ним в первую очередь относится Лу Синь, увидевший в произведениях русского писателя идеи и темы, которые никогда прежде не обнаруживались в китайской литературе, например, тему страданий и духовных метаний. М.Е. Шнейдер именно у Лу Синя отмечает проявления сугубо китайского восприятия Ф.М. Достоевского: «...Впервые в суждениях Лу Синя прозвучала и критика русского писателя. Там, где Достоевский говорит как христианин, проповедующий покорность и смирение, китайский писатель трактует это как слабость и недостаток» [7, с. 79]. Китайские читатели видели противоречия в поступках и мыслях героев Достоевского, что вызывало и вызывает неоднозначное отношение к его творчеству. Противоречивость как экзистенциальная основа человеческой личности, явленная в произведениях Достоевского, стала чем-то неожиданным и абсолютно новым для китайского читательского восприятия. Можно предположить, что через произведения Достоевского китайский читатель впервые получил опыт экзистенциального переживания литературного текста.

Творчество А.П. Чехова в Китае стало известно в начале XX в. и сразу завоевало популярность. М.Е. Шнейдер приводит данные о больших объемах публикаций и «повышенном спросе» на произведения А.П. Чехова, подчер-

кивая, что «переводы рассказов и повестей Чехова и их издание не прекращались в Китае ни в годы борьбы китайского народа против японской агрессии, ни во время гражданской войны 1946–1949 гг.» [7, с. 103].

Там, где речь заходит о первых китайских переводчиках, М.Е. Шнейдер пишет о Чжао Цзин-шэне, который сыграл «огромную роль в ознакомлении китайских читателей с прозой Чехова» и чью деятельность даже соотечественники называли «творческим подвигом» [7, с. 102]. Занимался переводами произведений А.П. Чехова и Лу Синь.

Первые китайские переводчики прозы А.П. Чехова были и первыми его художественными критиками. Примечательно, на наш взгляд, статья «Чехов – великий демократ» (1954) знаменитого китайского писателя Мао Дуня, в которой А.П. Чехов назван одним из любимых писателей китайского народа [7, с. 117].

Известность и признание среди китайских читателей получили сначала рассказы А.П. Чехова, интерес к драматургии возник немного позже, но, в конечном итоге, именно как драматург он снискал популярность в Китае. Первой его пьесой, сыгранной в китайском театре, стала пьеса «Дядя Ваня». Обращает на себя внимание бережное и трепетное отношение к чеховской драматургии в Китае. Пьесы А.П. Чехова шли, по словам М.Е. Шнейдера, строго по авторскому тексту, переведенному на китайский язык; все действующие лица в пьесах оставались без изменений, а роли игрались в русских костюмах¹. В настоящее время это удивительное усилие понять специфику чеховских пьес в Китае доведено до высочайшего уровня, о чем свидетельствуют те представители русской культуры, которым довелось видеть эти постановки.

Самым значимым периодом в рецепции чеховской драматургии в Китае стало время после образования КНР. Именно тогда под влиянием драматургии А.П. Чехова в Китае сформировался свой чеховский театр с пьесами, написанными китайскими драматургами. Вместе с тем, как указывают некоторые исследователи, усвоение художественного стиля Чехова в качестве некой литературной нормы в Китае происходило неоднозначно. Конечно, Чехов понравился, прежде всего, своим реалистическим стилем, но, вероятно, без разъяснений достоинств это-

¹ В отличие от пьес других русских авторов (А.Н. Островского и М. Горького), которые ставились в адаптированном виде [4, с. 124].

го стиля русский писатель не получил бы такой горячий отклик в Китае. Мощное экзегетическое влияние на проникновение в китайскую литературу идейных и художественных особенностей творчества А.П. Чехова оказал Лу Синь [7, с. 129–133].

Стремительный рост интереса к творчеству русского писателя в Китае объясняется в первую очередь идеологическими запросами времени, однако китайскому читателю был интересен и сам язык чеховских произведений. Язык русской классической литературы построен на грамматике разговорной речи, поэтому сложные, философские мысли, содержащиеся в прозаических и поэтических произведениях, ясны и просты для восприятия. До перехода китайской литературы на байхуа, переводы печатались на вэньянь, который зачастую называют «мертвым» литературным языком. Первые переводы А.П. Чехова тоже печатались на вэньянь, но даже при этом в Китае сложилось впечатление о А.П. Чехове как о «мастере новеллы» [7, с. 99], то есть короткого рассказа на житейские темы, которые по вековой китайской традиции писались на байхуа. В современном Китае под влиянием драматургии А.П. Чехова появился «театр разговорной драмы» [1, с. 385–403].

Переход с вэньянь на байхуа – это изменение не только принципов китайской литературы, но и китайских культурных императивов. Формат высокой литературы на вэньянь – это пространственный роман, объемность которого как бы подчеркивала важность изложенного, в то время как литература на байхуа – это чаще всего короткий рассказ (новелла), повествующая о чем-то житейском, то есть ничтожном, низменном. Своим размером новелла как бы символически указывала на то, что о низком нужно писать кратко. Кроме того, краткость рассказов на житейские темы символизировала преходящий характер описываемых в них вещей. Напротив, пространственность романа была неким прообразом вечности, и поэтому сюжет романа должен был наводить читателя на метафизические размышления [5, с. 394–395].

В свое время китайские интеллектуалы обратили внимание не только на европейские философские учения с их идеями «демократии», «человеческих потребностей», «заботы о бедных» и т. п., но и на европейскую литературу, которая художественным образом выражала все эти идеи, используя язык простонародной речи. Превращение байхуа в язык художествен-

ной литературы воспринималось как выражение интересов угнетенных сословий: через язык байхуа китайский бедняк как бы приобретал историческую субъектность – сначала в китайской литературе, а потом (как показывает китайская история XX в.) и в самом обществе и государстве. В контексте сказанного можно констатировать, что литературный переворот в Китае в начале XX в. породил переворот в культурном самосознании, и в этом смысле китайские литераторы стали и первыми китайскими революционерами.

Изложение простым разговорным языком сложных и высоких идей – вот что в русской литературе стало настоящим открытием для китайского читателя. Именно это обусловило внимание и любовь читательской аудитории к произведениям русских писателей и поэтов и направило развитие китайской литературы в русло подобной языковой стилистики.

Как же в целом можно обозначить специфические особенности восприятия русской литературы в Китае? Прежде всего, не подлежит сомнению чувствительность китайского читателя к моральной стороне произведений русских писателей. В Китае традиционно немаловажным фактором порождения интереса к литературе является наличие в ней морального смысла, что должно в целом оказывать преобразующее воздействие на сознание китайских читателей. Эти герменевтические установки остаются неизменными и определяющими даже в условиях серьезных трансформаций, которые претерпела китайская культура в XX в. Современный исследователь Марк Гамза в книге «Прочтение русской литературы в Китае: Нравственный пример и практическое руководство» подтверждает данную особенность китайской читательской аудитории: «Две из самых своеобразных культур в мире демонстрируют множество схожих черт в понимании литературы, которые были присущи им в течение двадцатого века. В обеих культурах литература имела исключительное общественное значение... В обеих голос писателя обладал моральным весом, и предполагалось, что он имеет право поучать и назидать тех, с кем он говорил. Эти две культуры – китайская и русская» [9, р. 1].

Именно «моральность» русской классической литературы, возможно, стала проводником в сознание китайского читателя тех литературных форм, которые были не только новы для восприятия, но даже чужды китайской

ментальности как таковой. Так, сильнейшую читательскую поддержку нашла социальная направленность русской литературы. Социальные проблемы, зачастую образующие главное смысловое ядро произведений русской литературы, рассматриваются русскими писателями через призму конфликта между человеком и обществом, богатыми и бедными, надеждами на справедливость и разочарованием. Социальный мир в русской литературе зачастую предстает как мир дисгармонии, что порождает у читателей стремление к переменам. Для конфуцианского сознания, картина мира которого построена вокруг идеала социальной гармонии, это было радикально ново не только в литературном, но и в мировоззренческом отношении. Примечательно, что в Китае тема социального конфликта, неравенства людей и угнетения одних другими сразу вызвала читательский отклик, как будто это отвечало уже имевшимся глубинным запросам, а в произведениях русских писателей китайский читатель нашел адекватную форму их выражения.

Вместе с тем некоторые особенности русской литературы до сих пор вызывают неоднозначное отношение китайских читателей. Речь идет об отношении к такой важной для русской классической литературы теме, как тема личности, описания экзистенциальной жизни человека – его мыслей, переживаний и устремлений. Когда китайский читатель вдруг открыл для себя способ экзистенциального восприятия литературного произведения – восприятия нового и непривычного с точки зрения китайской культуры переживания – оказалось, что китайскому сознанию сложно принять экзистенциальный накал русской литературы. Вероятно, это обусловлено спецификой восточных представлений о человеке, которые настолько своеобразны с точки зрения европейской культуры, что в современной западной синологии даже поставлен вопрос: существует ли в азиатских философских и религиозных системах понятие или концепт личности [8]. Интерес к русской литературе возник, когда, по выражению современного китайского ученого Ли Иннаня, стали осознаваться «сковывающие рамки», в которых невозможно реализовать «право на индивидуальность» [2].

В работах советского филолога М.Е. Шнейдера и современного китайского русиста Лю Вэньфэя русская классическая литература в китайском прочтении предстает одновременно и

как нечто ясное и легко воспринимаемое, и как что-то загадочное, пугающее и требующее от читателя непривычных переживаний и мыслей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 6. Искусство / под ред. М.Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2010.
2. Ли Иннань. Русская литература и ценностные ориентации китайской интеллигенции // Русская литература XIX–XXI вв.: метаморфозы смысла: юбилейный сборник научных трудов, посвященный Н.И. Якушину и В.В. Агеносову. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2017. С. 230–237.
3. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>
4. Лю Вэньфэй. Стать переводчиком сегодня никто не мечтает // Литературная газета. 2012. № 38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/N38--6385---2012-09-26-/>
5. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001.
6. Русская культура за рубежом: в Пекине открылся Центр славистики, нацеленный на изучение современной русской литературы // Президентская библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prilib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=11292>
7. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977.
8. Amese, R.T., Dissanayake, W. and Kasulis, T.P. eds., 1994. Self as person in Asian theory and practice. Albany: SUNY Press.
9. Gamsa, M., 2010. The reading of Russian literature in China: a moral example and manual of practice. New York: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

1. Titarenko, M.L. et al. eds., 2010. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopeiya: v 5 t. T. 6. Iskustvo [The spiritual culture of China: encyclopedia. In 5 volumes. Vol. 6. Art]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
2. Li Yingnan, 2017. Russkaya literatura i tsennostnye orientatsii kitaiskoi intelligentsii [Russian literature and the values of the Chinese intelligentsia]. In: Russkaya literatura XIX–XXI vv.: metamorfozy smysla: yubileinyi

sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi N.I. Yakushinu i V.V. Agenosovu. Moskva: IMPE im. A.S. Griboedova, 2017, pp. 230–237. (in Russ.)

3. Liu Wenfei, 2004. Perevod i izuchenie russkoi literatury v Kitae [Translation and study of Russian literature in China]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html> (in Russ.)

4. Liu Wenfei, 2012. Stat' perevodchikom segodnya nikto ne mechtaet [No one dreams to become an interpreter today]. URL: <https://lgz.ru/article/N38--6385---2012-09-26-/> (in Russ.)

5. Malyavin, V.V., 2001. Kitaiskaya tsivilizatsiya [The Chinese civilization]. Moskva: AST. (in Russ.)

6. Russkaya kul'tura za rubezhom: v Pekine otkrylsya Tsentr slavistiki, natselennyi na

izuchenie sovremennoi russkoi literatury [Russian culture abroad: a Slavic Center was opened in Beijing, aimed at studying contemporary Russian literature]. URL: <http://www.prilib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=11292> (in Russ.)

7. Shneider, M.E., 1977. Russkaya klassika v Kitae. Perevody. Otsenki. Tvorcheskoe osvoenie [Russian classics in China. Translations. Evaluation. Interpretation]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Amese, R.T., Dissanayake, W. and Kasulis, T.P. eds., 1994. Self as person in Asian theory and practice. Albany: SUNY Press.

9. Gamsa, M., 2010. The reading of Russian literature in China: a moral example and manual of practice. New York: Palgrave Macmillan.